

Пробилъ часъ. Но пріятели все говорили. Въ два часа Гранковскій сказалъ:

— Пожалуйста, Вася, заночуй у меня. Вотъ тебѣ, другъ, кушетка. Сейчасъ тебѣ доставлю постель.

— Да я не хочу еще спать!

— Ну, посидимъ. Скажи мнѣ, Вася: были уже рецензіи на твою диссертацию?

— Были. Ругаютъ. Но все равно—я буду профессоромъ. Я въ женскихъ болѣзняхъ собаку съѣлъ.

— А Воропилинъ какъ къ тебѣ?..

— Да что Воропилинъ! Лишь бы я съ Ганлейеромъ не связывался, Воропилинъ вывезетъ. Я нуженъ факультету... Правда, Оедюха, Воропилинъ струна?

Оедоръ Игнатычъ не зналъ, что разумѣтъ Рѣзниковъ подъ словомъ „струна“. Но онъ сказалъ:

— Да, братъ, струна! И еще какая!

Въ три часа Оедоръ Игнатычъ вдругъ сообразилъ: „Ну, что если Раекъ не спитъ и ждетъ меня?“ Онъ торопливо, улыбаясь, попрощался съ другомъ, послалъ къ нему заспанную Варю съ постелью, а самъ пошелъ въ спальню. Раиса, дѣйствительно, не спала. Она, сидя на кровати, большими глазами смотрѣла на него. Отъ него сильно пахло табакомъ и пуншемъ. У него было смѣшное виноватое лицо.

— Поздно, Раекъ. Отчего ты не спишь?—сказалъ онъ потомъ.

— Ложись уже!—промолвила она, хотѣла разсердиться и не разсердилась. — Пьяненькій мужъ!

Она обвила его шею руками, и оттого, что дулась на него все это время, а онъ пришелъ виновато улыбаясь, она теперь почувствовала къ нему особенно нѣжную любовь. — Мой гадкій, пьяненькій! Охъ, дрянной! Спи!

XXXII.

Воропилинъ былъ въ томъ періодѣ дѣятельности, когда всякій врачъ начинаетъ усиленно заботиться объ обезпеченіи своей приближающейся старости. Онъ прибрѣлъ уже большое имѣніе и теперь хотѣлъ купить другое, гдѣ-нибудь недалеко отъ своей Гонтовки. „Было бы очень хорошо,—разсуждалъ онъ, сидя, въ легкой снотовой шубѣ, на своемъ рывакѣ и направляясь съ визитомъ къ Гранковскимъ, — еслибы этотъ шутъ уступилъ мнѣ